

К. О. Дымский

АНЕКДОТ ОТ РАБИНОВИЧА В СИСТЕМНОМ ИЗМЕРЕНИИ

С каких только точек зрения ни исследовался юмор! Проблемы, которые в этом плане возникают, формулируют тоже весьма по-разному. Например, так: можно ли считать юмор *differentia specifica* в определении понятия «человек»? Ведь и в самом деле, ни одно животное не обладает чувством юмора – никогда не шутит ни над своими ближними, ни, тем более, над собой. Не потому ли люди никогда не признаются в том, что чувство юмора у них и не ночевало?

Однако стоит только сказать, что человек – это животное, обладающее чувством юмора, тут же возникнут новые вопросы. Как тогда быть с людьми, про которых другие (но, разумеется, не они сами о себе!) все же говорят, что у них начисто отсутствует чувство юмора? Отказать ли им в праве называться людьми? Почему юмор – это *чувство*, и чем оно, это чувство, обусловлено? Не является ли чувство юмора проявлением более существенной способности человека – например, способности к рефлексии и, соответственно, предрасположенности к анализу и контролю над тем, что мы говорим и как думаем? Разве без рефлексии была бы возможна ирония известного в Одессе водителя Рабиновича:

– *Быстрее,* – командует жена.

– *Медленнее,* – возражает теща.

– *Правее,* – говорит жена.

– *Левее,* – требует теща.

Рабинович теряет терпение:

– *Послушай, Цыля, кто же ведет машину – ты или твоя мама?*

Но как бы ни формулировали проблему, исследование юмора не может начинаться ни с чего иного, как с рассмотрения соответствующих ситуаций и с расчленения того, что кажется смешным, с анализа и систематизации смешного. А разве есть для этого более благодатный и богатый эмпирический материал, чем анекдот? Анекдоты существуют столетиями, накопилось их превеликое множество. Не случайно же З. Фрейд, когда написал

специальный трактат об остроумии, вторую половину трактата составил сплошь из еврейских анекдотов, многие из которых подозрительно похожи на одесские.

Начну с «рабочей гипотезы». Любой анекдот связан с концептуальным переосмыслением ситуации, с попыткой создать новую систему из предлагаемых обстоятельств, либо просто с обнаружением невозможности создать предполагаемую систему. В этом смысле совершенно очевидны точки пересечения чувства юмора со способностью к творчеству, со стремлением к созданию чего-то нового. То, что не ново и вполне ожидаемо, то, что не удивляет и не позволяет увидеть предлагаемую ситуацию в неожиданном ракурсе, никогда не вызовет улыбки.

Правда, в отличие от продукта научного или художественного творчества, анекдот не выводит нас за пределы известного *вообще*, а наоборот, апеллирует к чему-то хорошо узнаваемому. Сам по себе продукт творчества не обязательно вызывает улыбку. Вряд ли Архимед ради или благодаря юмору сделал свое открытие закона гидростатики. Это уже потом остроумные люди, желая, как видно, стать с ученым как бы на одну ногу, приблизить мыслителя к обывателю, придумали смешную историю про то, как Архимед, весь в мыле, бежал по Сиракузам с криком «Эврика!». Но это не отменяет того обстоятельства, что суть всякого анекдота, по-видимому, связана с системотворчеством – с созданием такой системы, которая отличается от предполагаемой заранее. Анекдот – это всегда «сбой» в тривиально возможной системе.

А раз мы заговорили о системном подходе, то стоит вспомнить, что в каждой системе есть дескрипторы в виде *концепта* (понятия или образа из смыслового поля, в котором система может быть обнаружена), какой-либо *структуры* (отношений или некоторого набора свойств, которые объединяют систему в нечто целое) и *субстрата* – носителя этой структуры, того, на чем она, эта структура выполняется. Если говорить об анекдоте, то его субстратом являются предлагаемые обстоятельства или ситуация. Кроме того, есть еще и дескрипторы второго порядка – различные соотношения концепта, структуры и субстрата. Применительно к ответу на вопрос о том, «как делается анекдот», можно предположить, что ответ этот невозможен без анализа

системных дескрипторов и их соотношений.

Ряд анекдотических ситуаций основан на ошибках, нередко преднамеренных, в определении системы. Так, из одного анекдота видно, что концепт системы не может реализоваться на любой, а только на некоторой структуре, хотя в обыденных размышлениях мы не всегда берем это в расчет.

Директор:

– Мне сказали, что вы ходите в синагогу и молитесь там, чтобы я повысил вам зарплату.

– Так ведь теперь вроде бы уже можно?

– Можно то оно можно, да только, Рабинович, я не люблю, когда через мою голову обращаются в вышестоящие инстанции.

А ведь и в самом деле, не так уж осмысленно просить у Бога то, что решается на чиновничьем уровне!

Точно также Рабинович неоднократно обращал наше внимание на то, что одна и та же структура может быть «вызвана» совершенно разными концептами – в том числе, и тогда, когда мы этого совершенно не ожидаем:

– Слышали новость? Наш директор от нас уходит!

– Откуда вы знаете?

– А он меня вызвал и говорит: “Мы с вами, Рабинович, наверное, не сработаемся”.

Юмористическая ситуация неожиданно возникает и тогда, когда определение системы как произвольной вещи, на которой выполняется некоторое отношение с заранее предполагаемым свойством [1, с. 122], подменяется представлением, будто система есть произвольная вещь, на которой выполняется фиксированное отношение с фиксированным свойством:

В оперном театре Рабинович толкает соседа в бок:

– Скажите, Онегин – еврей?

– Нет, конечно.

Через пару минут:

– Скажите, а Татьяна – еврейка?

– С какой стати Ларина – еврейка?

– Ну а Ленский – еврей?

Чтобы отделаться:

– Да, да, Ленский еврей!

– Так я и знал. Его обязательно убьют...

Наконец, Рабиновичу, как никому другому, известно, что не всякий концепт реализуем, во всяком случае, в предлагаемых обстоятельствах. Размышляя над тайнами супружества, он как-то сказал:

– Идеальный муж по-одесски – это слепой, глухой и немой капитан дальнего плавания.

Гигантское количество анекдотов основано на подмене концепта, т. е. на том обстоятельстве, что на одних и тех же вещах могут реализоваться те же (или иные структуры), вызванные совершенно разными концептами.

Рабинович у следователя:

– Да, я действительно подавал заявление о пропаже жены, но ведь я не просил ее искать!

Или вот еще один аналогичный случай из биографии Рабиновича.

Как-то поутру жена говорит ему:

– Ты не забыл, что сегодня у нас серебряная свадьба? Давай зарежем курочку по этому поводу?

– Ты считаешь, что она в этом виновата?

Иногда Рабинович непосредственно предлагал реализовать на объекте не очевидный концепт, а тот, с которым мы обычно встречаемся в газетах. Однажды из Рима (не спрашивайте, как он туда попал) от него пришло такое письмо:

– Дорогая Циля, посылаю тебе фотографию, где я снялся рядом с Аполлоном Бельведерским. Слева, в шортах – это я.

Рабиновичу прекрасно известно, что процедура понимания, а значит, и взаимопонимания, непременно связана с системным предъявлением объекта: текст должен быть таким, чтобы собеседник мог составить целостное представление о предмете разговора.

– Ты разговариваешь со мной, как с идиоткой, – возмущается жена.

– Я говорю с тобой так, чтобы ты могла меня понять.

Нередко соль анекдота может быть усмотрена только в связи с анализом системных параметров, т. е. таких свойств, которые могут служить основанием деления любых систем на взаимоисключающие и взаимодополняющие классы.

Когда-то, еще в советские времена, Рабинович выехал, наконец, в туристическую поездку. С дороги он присылает домой красивые открытки. "Привет из свободной Болгарии. Рабинович". "Привет из свободной Румынии. Рабинович". "Привет из свободной Венгрии. Рабинович". "Привет из Австрии. Свободный Рабинович".

Здесь небольшое нарушение однородности (гомогенности) субстрата заставляет предположить иной замысел эпистолярного творчества уважаемого одессита. Мы начинаем подозревать, что гетерогенность не возникла случайно, скажем, из-за нечаянной перестановки слов в спешке туристской экскурсии, а была задумана тов. Рабиновичем в качестве системообразующего отношения (концепта).

В качестве значений системного параметра могут выступать «завершенность» и «незавершенность». Завершенная система – это такая система, которая не допускает присоединения новых элементов. Попытки добавить к завершенной системе еще один элемент способны вызвать улыбку. Когда Рабинович еще учился в школе, то даже ему не пришло в голову на уроке геометрии строить четырехсторонний треугольник. Но на уроке русского языка с ним, с одесситом, впитавшем тонкости русского языка еще с молоком матери, произошло следующее:

– Привожу пример степеней сравнения, – говорит учитель. – У слова "хорошо" сравнительная степень – слово "лучше", превосходная – "очень хорошо", а ни с чем не сравнимая – "чтоб я так жил". Рабинович, возьми слово "плохо" и сделай с ним то же самое.

– Пожалуйста. Сравнительная – "хуже", превосходная – "очень плохо", а ни с чем не сравнимая – "чтоб вы так жили"!

Другими характеристиками систем являются «минимальность» и «неминимальность». С минимальной системой, т. е. с такой, которая уничтожается при уничтожении хотя бы одного элемента, нельзя обращаться как с неминимальной. Или – можно, но при смене концепта, т. е. выстраивая на ситуации другую систему.

Рабинович консультируется у раввина:

- Скажите, ребе, что будет, если я нарушу одну из десяти заповедей?
– Что будет, что будет. Останется еще девять.

Точно так же обстоит дело с подменой понятия о нециклических системах – понятием о циклической:

– Подсудимый Рабинович, где вы взяли деньги? – В тумбочке. – А кто их туда положил? – Жена. – А ей кто дал. – Я. – А вы где взяли? – В тумбочке.

Можно до бесконечности множить примеры из копилки системолога Рабиновича. Наверняка найдется немало примеров, подтверждающих тезис о том, что не только нарушения в системном представлении объекта служат источником юмора, но еще и нарушения общесистемных закономерностей – это перспектива дальнейших исследований. В конце концов, можно сказать, что не только, как говорят, юмор есть наилучшее проявление здравого смысла, но, ровно в той же мере, и системность мышления есть проявление здравомыслия. Но уместен ли в столь серьезном научном издании анализ помыслов Рабиновича? Что скажет редактор? Н-да! Но с другой-то стороны, разве не противно с серьезным видом рассуждать о юморе как о постигшем нас счастье?

– Представляешь, вчера мы собрались на симпозиум, чтобы обсудить серьезную проблему. И все было хорошо: зачитывались доклады, задавались вопросы, разгорелась даже дискуссия. Но потом вышел Рабинович и рассказал ужасно неприличный анекдот. Пришлось удалить его из зала.

– Так ему и надо, этому цинику!

– Я тоже так думал. Да только за ним вышли все участники симпозиума, чтобы дослушать анекдот до конца.

Но все же в заключение хочу сказать, что научное препарирование анекдота, как и природы смеха, – весьма неблагоприятное дело. Что от него, от этой жемчужины межличностных коммуникаций, остаётся после расчленения на части? Может быть уж лучше, так, как Василий Котов, в сборнике которого [1] я и нашел большую часть своих примеров. Кстати, очень хороший, умный человек. Наверное, еврей.

1. Анекдоты от одесситов / Сост. В. Котов. – Одесса: Оптимум, 2003. – 352 с.
2. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.